

А. М. Лесков

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ: НАЧАЛО*

В годы моей учебы на истфаке с третьего курса начиналась специализация студентов по различным кафедрам – от истории древнего мира и археологии до новейшей истории. Для меня проблемы выбора не было – я шел на истфак ради изучения древней истории и неразрывно связанной с ней археологии. Из деканата раздали список рекомендуемых кафедрами тем курсовых работ для 3-его курса. У студентов, избравших специализацию по нашей кафедре, выбор был велик: здесь и древний Восток со всеми его главными центрами (государства Ближнего Востока, Египет, Китай, Индия), древняя Греция и Рим с их колониями у нас в Причерноморье, археологические культуры разного времени, распространенные на территории Украины, памятники древности Харьковщины и соседних областей, история и археология Киевской Руси... Было от чего закружиться голове, все хотелось, все было интересным, но Борис Андреевич сразу опустил нас с небес на землю, объяснив, что курсовую тему он рекомендует выбирать с дальним прицелом – она должна стать основой для будущей дипломной работы, а может

---

* В данном выпуске «Харьковского историографического сборника» публикуется следующая часть «Записок археолога» А.М. Лескова, которая оканчивается завершением обучения автора в Харьковском университете. См. начало текста, а также краткую автобиографию в предыдущем выпуске сборника (2013. №12).

быть, и диссертации, если кто-то из вас планирует заниматься научной работой. Ясно, что к выбору темы курсовой работы следовало отнестись самым серьезным образом. Нужно было основательно подумать – я готов был считать варианты за шахматной доской, но там все зависит от игры обоих партнеров. А здесь ты сам за все отвечаешь. И речь идет не об игре, пусть и весьма интеллектуальной, а о собственной жизни, которую с юношеским максимализмом хочется сделать очень интересной, насыщенной, а значит успешной. Пришло время выбирать свою сравнительно узкую специализацию уже внутри древней истории и археологии. Самым интересным мне представлялась Древняя Греция. Крито-Микенская культура, Афины и Спарта, Греко-Персидская война, Александр Македонский и его походы вплоть до Индии ну и конечно же греческая религия, культура, наука, искусство во всем его многообразии – театр, скульптура, архитектура, живопись, прикладное искусство... К кому еще идти за добрым советом, если не к зав. кафедрой профессору Гриневичу? В перерыве между лекциями подошел к Константину Эдуардовичу с просьбой о совете в связи с выбором темы курсовой работы с тем, чтобы она могла стать основой будущего диплома. «Дело серьезное» - сказал профессор – «надо все хорошо обдумать. Приходите-ка завтра вечером ко мне домой – там все и обсудим». Мне осталось только поблагодарить и уточнить время встречи и адрес. Одного вечера не хватило, разговор продолжился и на завтра. Конечно, это был не разговор, это были размышления вслух, воспоминания об увиденном и пережитом маститого ученого. Не знаю, чем я заслужил столь детальный рассказ, но это было очень интересно и поучительно. В процессе своего рассказа, Константин Эдуардович, в частности, вспомнил о своем путешествии по Греции в 1913 г., когда он смог посетить все выдающиеся памятники античной эпохи. Из этой беседы первый вывод, как говорится, лежал на поверхности. Ведь разговор-то состоялся в 1952 г. Холодная пропагандистская война между США, их западноевропейскими союзниками и СССР была в самом разгаре. Казалось, словесные баталии в любой момент могут перейти в военное противостояние. Советский Союз, готовившийся отметить свое 35-летие, представлял из себя военный лагерь, полностью закрытый для общения с иностранцами. Антизападная пропаганда буквально бушевала на страницах всех, без всяких исключений,

советских газет, журналов и радио (телевидения в СССР практически только начиналось). В этой связи не могу не вспомнить предэкзаменационную консультацию по Истории России XVIII – XIX веков. Среди вопросов к экзаменам оказался один, ответ на который мы¹ не смогли найти не только в учебнике, но и во всей рекомендованной нам литературе. Вопрос звучал так: «Экспансия американского империализма против России в XIX веке». Ответ доцента, парторга факультета И.Я. Мирошникова, оказался обескураживающе простым и четким: «В этом вопросе нужно лягнуть Америку». Уточняющих вопросов не последовало. В такой политической атмосфере даже во сне не могло присниться видение себя где-то за пределами отечества. «А раз так» – размышлял я, – то как же можно заниматься древней Грецией, ее культурой и археологией если в жизни тебе не дано увидеть памятники, изучению которых ты готов посвятить всего себя? Об этих раздумьях мне довелось вспомнить почти через 40 лет, когда я впервые приехал, точнее, приплыл из Италии в Грецию накануне нового 1992 г. Впечатления от увиденного были восторженными. Здесь нет места описывать всемирно известные памятники древней Эллады, да и вряд ли я смогу найти те немногие точные слова, характеризующие великие достижения античной культуры и искусства во многом определившие на века пути человеческого прогресса. Впечатления от Афин и Микен, от Олимпии и Коринфа переполняли меня, но подлинное потрясение ожидало в Дельфах. Здесь я впервые в жизни увидел во всем неповторимом блеске греческую архаику – архитектуру и скульптуру, расписную керамику, высокохудожественную бронзу и ювелирные украшения из серебра и золота... Я стоял загипнотизированный всем увиденным и тогда, единственный раз в жизни, усомнился в правильности выбора своей специализации – ранний железный век Юга Восточной Европы. Может быть, все-таки стоило специализироваться на древнегреческой истории и археологии, но разве можно было себе представить в 1952 г., как сложится жизнь страны через 40 лет! Возвращаясь к размышлениям, навеянными рассказами профессора К.Э. Гриневича, мне показалось

---

¹ Все годы учебы в Университете к экзаменам по общим курсам мы готовились втроем: Боря Ветров, ставший великолепным китаистом, кандидатом наук, сотрудником Института востоковедения АН СССР (к сожалению, очень рано ушедший из жизни), Леня Баткин – доктор исторических наук, профессор, один из ведущих медиевистов СССР и современной России и автор этих строк.

очень интересным изучение античного Херсонеса, единственного в Северном Причерноморье города - государства, основанного дорийцами в V в. до н.э. Но как заниматься античным полисом с огромным эпиграфическим наследием (надписи, клейма, монеты), не владея древнегреческим языком? Но преподавателей древнегреческого языка тогда в Харькове просто не было. Свои сомнения, не считая более возможным беспокоить профессора Гриневича, я высказал Б.А. Шрамко. Реакция была мгновенной: «В ВДИ посмотрите статьи Академика Тюменева». Речь конечно же шла о «Херсонесских Этюдах». Из них я впервые узнал о сложнейшей проблеме древней истории - взаимоотношения древних греков-колонистов с местными племенами. А учитывая, что древнегреческие колонии были основаны на огромных прибрежных территориях бассейнов Средиземного и Черного морей, где обитало множество местных племен, носителей самых разных археологических культур, не приходится удивляться, что эта проблема явилась одной из центральных в изучении древностей всего Старого Света, в том числе Северного Причерноморья. И действительно, история античной периферии, представленной в Северном Причерноморье городами (Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия, Нимфей), составившими Боспорское царство, и самостоятельными полисами: Феодосией, Херсонесом, Керкинитидой, Ольвией, Тирой и серией малых городов и поселений неразрывно, в течении веков, была связана с местными племенами меотов, синдов, сарматов, скифов, тавров, фракийцев, занимавших огромную территорию от Кубани на Востоке до Дуная на западе. Статьи академика Тюменева, известного Петербургского исследователя крымских древностей Н.И. Репникова, сотрудника ГИМа Н.В.Пятышевой, наконец, нашего профессора С.А. Семенова-Зусера, ряда крымских археологов и краеведов сами собой привели меня к выбору темы курсовой работы – «Тавры и Херсонес Таврический». На основе курсовой был сделан доклад на студенческой научной конференции, посвященной 150-летию нашего Университета (1954 г.), а его тезисы были опубликованы. Это была моя первая страничка, увидевшая свет... После защиты курсовой и сдачи экзаменов, я мечтал поехать в какую-нибудь крымскую экспедицию и, прежде всего, думал о полевой работе где-то в районе Херсонеса. И кафедра мне очень помогла. Было отправлено письмо в Крымский филиал АН СССР с просьбой принять меня в состав

какой-нибудь из экспедиций отдела археологии, который возглавлял известный специалист П.Н. Шульц. Ответ был положительный и уже в конце июня 1953 г., после окончания сессии, я отправился в Симферополь. На всю жизнь запомнил маленький одноэтажный особнячок (дом №7 по ул. Ленина), где размещался отдел археологии Крымского филиала АН СССР. С этим зданием связано начало моей работы в Крыму. Здесь мне довелось познакомиться со всеми археологами Крыма 50-х годов, а также со многими археологами Москвы и Ленинграда, копавшими в Крыму. Но все это было позднее, в последующие годы. А пока почти весь небольшой коллектив отдела находился в командировках (раскопки, разведки), но к моему глубокому сожалению ни одна экспедиция не копала таврских памятников, а в Херсонесе в этот полевой сезон и ленинградцы, и крымчане, и сами сотрудники Херсонесского музея вскрывали слои средневекового города и только подходили к культурным напластованиям римской эпохи. Было от чего огорчаться, но Павел Николаевич Шульц напомнил народную мудрость: «Нет худа без добра», Он рассказал, что в 1954 г. отделу предстоят большие полевые работы в зоне строительства Симферопольского водохранилища. «Тогда и накопаетесь вдоволь, а сейчас поезжайте в Ялту, Бахчисарай познакомьтесь с их таврскими коллекциями, а, главное для вас - работа в музее в Симферополе и у нас в отделе, в нашем архиве. А на следующей неделе мы планируем поездку в Коктебель. Туда поедем через Белогорск и Старый Крым, а возвращаться будем через Судак по берегу моря, так что познакомитесь с крымскими красотами, да и таврские каменные ящики своими глазами увидите». На мой вопрос, когда можно будет поехать в Херсонес, Павел Николаевич бодро ответил: «Когда хотите. Пропуск Вы оформили?» «Какой пропуск?» – холодея, спросил я. «Так ведь Севастополь закрытый город и въезд туда только по пропускам, которые оформляют по месту жительства» – объяснил Павел Николаевич. Я был обескуражен: мало того, что не удастся покопать таврские памятники, так еще и в Херсонес не попасть. Видя мое расстройство, Павел Николаевич сообщил, что на той неделе в отдел из Херсонеса заедет Олег Иванович Домбровский – вот с ним и посоветуемся, что делать. Из первой поездки по музеям Крыма навсегда осталось в памяти недолгое пребывание в Бахчисарае и жизнь на территории ханского дворца. Именно здесь, в огромном дворе при дворце, овеянном пушкинской романтикой, размещались фонды бахчисарайского краеведческого

музея и рядом, в небольшой пристройке, в глубине тенистого двора, находилась бахчисарайская археологическая станция. Здесь хранились материалы горного отряда тавро-скифской экспедиции, работами которого много лет руководил милейший Евгений Владимирович Веймарн. На станции царил образцовый, истинно немецкий порядок: все находки, чертежи, тексты, картотеки были в полном ажуре. Так же тщательно хранились подшивки газет, которые мне очень помогли. Евгений Владимирович разрешил мне ночевать на станции. Там оказалась какая-то ветхая тахтенка, но постели не было и по совету Евгения Владимировича я использовал подшивки газет. Простыней служили «Известия» и «Труд», а под голову вместо подушки шла подшивка «Правды». Именно на таком использовании газет настаивал Евгений Владимирович, убеждая меня, что такая подушка обязательно поможет мне при изучении на старших курсах марксистко-ленинской философии... хорошее было время и мне было 20 лет! Вернувшись в Симферополь, в отделе археологии я увидел человека средних лет и среднего роста. Сильно загоревший, в белой трикотажной футболке, подчеркивающей широченные плечи и мощную, просто статуарную мускулатуру – таким запомнился мне Олег Иванович Домбровский. Для многочисленной симферопольской молодежи, влюбленной в археологию, Олег Иванович был непререкаемый авторитет. Архитектор, художник, археолог, отличный рассказчик, заботливый и требовательный наставник, он дал путевку в археологию многим крымским мальчишкам. Павел Николаевич Шульц представил меня Олегу Ивановичу. Я рассказал о своем желании попасть в Херсонес и об отсутствии пропуска в Севастополь. Вопросов было только два. Не боишься ли длительной ночной ходьбы и сориентируешься ли на местности с ситуативным планом и компасом. Опыт работы в разведках с Б.А. Шрамко позволил мне ответить утвердительно на оба вопроса. Правда, по ночам мне путешествовать не приходилось, но выбора не было. Через день Олег Иванович возвращался на раскопки в Херсонес и заботливо предложил мне забрать с собой мой рюкзак. Тем самым не только облегчая (в прямом смысле слова) мне жизнь в пути, но и выражая твердую надежду на успех моей авантюрной одиссеи. Чертежник Олега Ивановича Павел Шохин² начертил мне схему моего движе-

² В 1956г., во время моих первых аспирантских раскопок таврского могильника Уркуста-1, где была раскрыта сравнительно хорошо сохранившаяся гряда из 9-ти каменных ящиков в ограде, именно Павел Шохин великолепно сделал их общий план и разрезы, впоследствии вошедшие во все монографии, посвященные таврам.

ния через закрытую зону из Бахчисарайского района в Инкерман. Через 2 дня я сел на местный поезд Симферополь – Севастополь, проехал Бахчисарай и сошел на станции, после которой находился пост по проверке документов у пассажиров. Как жаль, что у меня не сохранился листок–схема перехода в закрытую зону – он мне не пригодился. Ожидая темноты, я гулял по улицам села (не помню названия – прошло 60 лет) и услышал за одним из заборчиков разговор двух мужчин. Один сообщил другому, что через часок придет Николай; он проведет нас через лесок и покажет дорогу на Инкерман. Мне осталось только дожидаться начала их похода и далее, не теряя своих проводников из вида, следовать за ними. Так без всяких сложностей и приключений я преодолел рубеж, отделяющий район Севастополя от остального Крыма. Первая же попутная машина довезла меня до Севастополя. Пожилой шофер с орденскими планками на выдавшей вида гимнастерке, услышав мою историю, решительно сказал: «поедем ко мне, немного поспишь, а в 6 утра сядешь на автобус, который идет в Херсонес». Около 7 часов утра, узнав у дворника Херсонесского музея, где копает Олег Иванович Домбровский, я появился на раскопе к началу рабочего дня. Мое появление Олег Иванович воспринял как должное, только спросил все ли в порядке и сразу сказал: «Иди завтракать во-о-н к тем палаткам, потом пару часов поможешь по кухне – что делать там скажут. А затем приходи на раскоп – надо расчищать стенку вот этого здания». К 10 часам утра я вернулся на раскоп, и Олег Иванович рассказал, что он копает участок средневекового Херсонеса, вскрываются постройки, судя по находкам керамики, XI - XII веков. Вместе с киркой и лопатой мне вручили нож, щетку и веник и велели расчищать северную стену, сложенную из необработанных камней разного размера. Олег Иванович в стиле армейского старшины добавил: «чистить от Северо-Восточного угла и до обеда». Так начался мой первый трудовой день в Херсонесе. Для меня, до этого побывавшего лишь на разведках и небольших зачистках траншей и шурфов, оказаться в огромном раскопе, в котором одновременно зачищались несколько построек средневекового города, все было впервые и все было крайне интересно. Работа спорилась. Расчистка была не сложной. Земля легко отделялась от невысокой (30-40 сантиметров) стенки. Не заставили себя долго ждать и первые находки – обломки разноцветной керамики, железный гвоздь. А вот

на дне раскопа появилось скопление камней, которые (я уже это знал) нельзя, как земляное заполнение помещения, выбрасывать за границы раскопа, а их следует прежде всего оконтурить, то есть определить границы расположения этих камней – ведь они могут быть частью рухнувшей стены. А могут служить перекрытием хозяйственной ямы или быть оградой очага, или укреплять основу столбовой конструкции, или..., в данном случае это оказалась несколько камней, видимо, от стены помещения. В конце моего второго рабочего дня на нашем раскопе была найдена золотая византийская монета. Естественно, посмотреть на эту находку еще в земле подошли все, кто работал на этом раскопе. И один из студентов крикнул: «Олег Иванович, сюда – здесь золото!». Видимо, кто-то из экскурсантов услышал и со скоростью молнии по всему Херсонесу разнеслась новость: «золото нашли, золото!». Со всех сторон древнего города к нашему раскопу бросились экскурсанты с воплем: «золото!!!». Этот «набег» был действительно страшен, казалось, что еще минута и толпа сметет все на своем пути и ворвется в раскоп. Обнаженный по пояс, Олег Иванович с киркой наперевес выскочил из раскопа навстречу толпе. «Стойте! Ни с места! Здесь вам не Клондайк!» – орал Олег Иванович. К счастью, впереди толпы взрослых бежали дети и они затормозили. Родители, упершись в спины собственных детей, остановились. Мы (нас было человек 10), вооруженные кто кирками, кто лопатами, стояли рядом с Олегом Ивановичем. Подоспели женщины–экскурсоводы, охрана музея. В наступившей напряженной тишине прозвучало совсем буднично предложение-просьба Олега Ивановича: «А теперь давайте дадим передохнуть вашим экскурсоводам, а я пока покажу вам наши раскопки, находки, которые мы только расчищаем». А на нетерпеливый возглас «А золото покажете?» – Олег Иванович сказал: «Конечно, более того, мы при вас закончим расчистку только что найденной золотой монеты». Кто-то из детей с придыханием произнес: «А может там клад». «А вот и проверим», – ответил Олег Иванович. Клада не оказалось, а золотая монета, нанесенная на план раскопа и многократно еще в земле сфотографированная, была выложена на небольшой планшетик, обтянутый черной тканью, и Олег Иванович показал ее всем жаждающим. Это была византийская монета XI века – первая золотая находка, которую я увидел в раскопе, где работал. Наверное, поэтому этот факт так четко запомнился. А еще в памяти запечатлелась железная выдержка Олега Ивановича, позволившая ему спустить на

тормозах ситуацію, которая могла выйти из-под контроля. На следующее утро Олег Иванович представил меня Станиславу Францевичу Стржелецкому, старейшему сотруднику Херсонесского музея, руководителю отдела античного Херсонеса. Блестящий раскопщик античного города и его сельской периферии, Станислав Францевич открыл и частично исследовал ряд поселений бронзового и железного веков. Среди них были и таврские поселения, и в том числе, самое известное из них поселение и могильник Уч-Баш, расположенное на Гераклеяском полуострове, вблизи античного Херсонеса. Последующие 2 недели я провел в фондах Херсонесского музея, зарисовывая и фотографируя таврские находки. Вечерами приходил к нам в лагерь Станислав Францевич или приглашал к себе, и это были замечательные вечера. Сколько же нового я узнал о таврах и греках, живших в Херсонесе и его окрестностях, об их памятниках, которые копал Станислав Францевич! Работа в фондах и архивах в Херсонесе и в других музеях Крыма, разговоры с разными специалистами, работавшими в Крыму, сыграли определяющую роль в моем выборе – диплом буду писать по истории тавров, древнего населения горного Крыма, давшего название Крымскому полуострову – Таврида.

Возвращался я в Харьков к началу учебного года переполненный впечатлениями от всего увиденного и услышанного. Конечно же мне повезло встретить столь разных и очень интересных людей. Суммируя все увиденное и услышанное в Крыму, я мечтал научиться вести раскопки так, как их ведет Станислав Францевич Стржелецкий, а в материалах и документации должен быть порядок, как у Евгения Владимировича Веймарна, ну а общекультурный кругозор и собственно профессиональную эрудицию нужно максимально расширять и примером здесь для меня являлся Павел Николаевич Шульц. Да еще Элла Исаковна Соломонник восхищала знанием древнегреческого и латыни, английского, французского и немецкого языков. Так, наверное, можно мечтать только в 20 лет, но, с другой стороны, это самое подходящее время для начала осуществления своих планов и желаний. В конце сентября на заседании нашего археологического кружка был мой отчет о поездке в Крым. Я рассказал о виденных мною крымских памятниках и музейных собраниях, о красотах крымской природы, о доброжелательности всех людей, с кем меня свела судьба в этом моем первом археологическом путешествии. Здесь уместно напомнить, что 4 наших кружковца с младших

курсов стали известными археологами, исследователями древнего Крыма: Володя Кадеев, Лера Устинова (Лагышева), Лена Черепанова, Виталий Даниленко. При этом последние двое после окончания Университета уехали работать в Крым. В.И.Кадеев и В.Н.Даниленко посвятили всю свою научную жизнь изучению Херсонеса и это конечно же итог их учебы у профессора К.Э. Гриневича. Но мне хочется думать, что и моя влюбленность в Крым и регулярные (в течение трех лет) доклады о работах с крымскими материалами и литературой по археологии Крыма могли помочь ребятам в выборе своего призвания. Тогда же у меня состоялся, возможно, самый главный, во многом определивший мое будущее, большой разговор с Борисом Андреевичем Шрамко - надо было определять тему дипломной работы. Казалось очевидным – следует продолжать и углублять занятия таврской тематикой. Но это только на первый взгляд. Был один очень серьезный сдерживающий фактор – Крым тогда (осенью 1953г.) входил в состав Российской Федерации. А Харьковский университет готовил кадры для работы в Украине. Не приходилось сомневаться, что по окончании Университета меня направят на работу в одну из областей Украины, где я должен буду, согласно тогдашнему законодательству, отработать не менее трех лет. И кому там будут интересны мои тавры? Может быть, мне следует заняться какой-нибудь темой, связанной с территорией степей или лесостепей Украины? По умолчанию мы оба понимали, что, несмотря на то, что у меня не было ни одной четверки за годы учебы, шансы на поступление в аспирантуру факультета были нулевыми³. В этой, казалось, бесперспективной ситуации Борис Андреевич, со всей решительностью сказал: «У тебя уже есть некоторый задел, тебя уже знают крымские специалисты. У тебя есть еще 2 года в Университете, значит, дипломную работу надо сделать на таком уровне, чтобы

³ Факультет обычно имел не больше 2-3-х вакансий для поступления в аспирантуру. При этом они, как правило, открывались на так называемых наиболее актуальных кафедрах: Истории СССР и УССР, но, в первую очередь, на общеуниверситетской кафедре Истории марксизма-ленинизма. Обязательным условием поступления в аспирантуру на эти кафедры было членство в Коммунистической партии. Все остальное, в том числе и успеваемость, имело второстепенное значение. А кафедры истории Древнего мира и истории Средних веков за годы моей учебы и позднее ни разу не получали аспирантские вакансии. И это при том, что в 50-е годы двадцатого столетия на историческом факультете было только четыре профессора, доктора наук. Это были археологи С.А. Семенов-Зусер и К.Э. Гриневич, медиевист Н.М. Пакуль и работавший на кафедре новой истории арабист А.П. Ковалевский.

кафедра могла рекомендовать тебя на работу в институты или музеи Крыма. Тем более, что у тебя будет два летних полевых сезона (после 4 и 5-го курсов), об отдыхе пока придется забыть, но это не главное. Главное - нужно сделать все, что в твоих силах и тогда, я уверен, удача не обойдет тебя стороной. А на мою помощь и участие всегда можешь рассчитывать». Согласитесь, дорогой читатель, что такой разговор с глубоко уважаемым Учителем остается в памяти навсегда! Учеба в Университете давалась мне достаточно легко – выручала память, да и учиться было очень интересно. Любимым местом занятий была библиотека Университета и Публичная библиотека им. В.Г.Короленко⁴. Прежде всего, помня рекомендации П.Н.Шульца, я начал читать литературу, связанную с историей древнего Крыма. И очень скоро обнаружил, что в наших библиотеках практически не было местной крымской периодики. А по ссылкам было понятно, что для моих целей важнейшим журналом был «Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии» и ряд других краеведческих изданий, печатавшихся в разных городах Крыма в конце XIX – начале XX-го века. О своих проблемах я рассказал Б.А. Шрамко и он порекомендовал мне на зимние каникулы поехать в Ленинград, где находится самая крупная в стране археологическая библиотека. Дома я рассказал о рекомендации Б.А. Шрамко. Понимая, что с деньгами в семье совсем не густо и моя повышенная стипендия мало что меняла, я пообещал, что если не все, то большую часть денег верну в семейный бюджет после полевого сезона летом 1954 г. Вопрос был решен, тем более, что в Ленинграде жили родственники, у которых можно было остановиться. В итоге последнюю декаду января и начало февраля 1954 г. я провел в Ленинграде. Университет, по ходатайству деканата истфака, выдал письмо-просьбу разрешить мне работать в библиотеке Института истории материальной культуры Академии наук СССР⁵. Это было мое первое посещение Великого Города. Его

⁴ Последняя расположена всего в полутора кварталах от дома (Короленко 17, единственный дом на нашей маленькой улице, полностью разрушенный во время войны), где прошло мое довоенное детство. Отсюда, от здания библиотеки вниз по нашей улице мы зимой катались на санках, а в двух кварталах от нашего дома в другую сторону, на противоположном берегу речки Лопань, была моя школа (№30), где я успел до войны закончить с похвальной грамотой 1-й класс.

⁵ С тех пор, где бы я ни жил и работал (Киев, Ленинград, Москва, разные университеты и музеи Германии, Австрии, США) эта библиотека уже 60 лет остается моим любимым рабочим местом. Прошли десятилетия, сменились поколения сотрудников этой сокровищницы археологической литературы, но традиции удивительной доброжелательности и готовности всегда помочь

проспекты и площади, набережные и мосты, его архитектурные ансамбли и памятники, дворцовые комплексы, соборы, музеи – все поражало, восхищало и завораживало. Счастливую возможность ежедневной работы в библиотеке бывшей Императорской Археологической комиссии, в помещении, где работали выдающиеся ученые, создатели школы отечественной археологии, я постарался использовать максимально. Выписки из прочитанных статей составили целую тетрадь, которая мне впоследствии очень помогла при работе над дипломом. Вечерние посещения ленинградских театров и филармонии, выходные дни, проведенные в Эрмитаже и Русском музее, в Музее этнографии народов СССР и Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР, в Музее истории религии и атеизма и в Военно-морском музее привели меня в восторг и вместе с тем это был культурный шок – до этой поездки я не имел понятия (более того, никогда об этом не думал), сколь мизерны мои знания и как же много нужно работать, чтобы познать хотя бы основы истории мировой культуры и искусства. Это был главный вывод из всего увиденного, услышанного, прочитанного, пережитого в итоге моего первого посещения культурной столицы СССР. Это, конечно же, была незабываемая поездка. Более того, могу и сегодня, через 60 лет, объездив десятки стран Европы, Азии, Америки, посетив сотни городов разных континентов, побывав в лучших театрах и концертных залах Европы и Америки, поработав в крупнейших музеях мира, подтвердить, что первое пребывание в Ленинграде осталось самым значимым и памятным путешествием в моей жизни.

7-го февраля начался второй семестр четвертого курса. В тот же день я встретил Бориса Андреевича на факультете и взахлеб рассказывал о поездке в Ленинград, о том, что успел сделать и где удалось побывать. Я готов был говорить об этой поездке часами, но Борис Андреевич прервал: «Давай так сделаем: ты приведи в порядок все свои впечатления и на заседании кружка сделаешь доклад об итогах твоей работы в Ленинграде. Думаю, 2 недели тебе для этого хватит. Так что готовься 20 февраля доложить итоги твоей поездки». Заседание кружка обычно проводили в 2 часа дня с тем, чтобы кружковцы имели возможность полчасика передохнуть после

любому читателю от седовласого профессора и до юного студента отличают эту библиотеку. Мою неизбывную признательность я стараюсь выразить передачей в фонд библиотеки моих авторских книг, сборников, каталогов, альбомов, опубликованных в разных странах.

третьей пары. Но в перерыве между второй и третьей парами мне из деканата передали, что звонил Борис Андреевич и просил сразу после лекции зайти на кафедру. Так и сделал. Борис Андреевич встретил меня широкой улыбкой и сказал: «Ты конечно последние известия ни вчера ночью⁶ не слышал, ни сегодня утром, а между тем одна из новостей впрямую касается тебя». Растерявшись, я промямлил: «как это меня, почему?». И Борис Андреевич объяснил, что вчера вечером передали Указ Президиума Верховного Совета СССР о переходе Крымской области из Российской Федерации в состав Украинской Республики. И здесь мы оба вспомнили наш осенний разговор о выборе специализации, о моих сомнениях по поводу изучения территории Крыма, не входящего в состав Украины. Это была первая удача в самом начале моей археологической судьбы, и, как показала дальнейшая жизнь, значение ее было огромно. Семестр пролетел очень быстро. Для меня это было связано с ожиданием археологического лета. Уже в начале апреля я получил приглашение от П.Н.Шульца приехать в июне в Симферополь для участия в раскопках в зоне затопления будущего Симферопольского водохранилища. Такое же письмо пришло и на имя декана. Это была замечательная новость. Наконец-то у меня будет первый в жизни настоящий полевой сезон. Сдав зачеты и экзамены, где-то в двадцатых числах июня я приехал в Симферополь, в уже знакомый особнячок, где размещался отдел археологии. [...]. С участием в первой в моей жизни крупной экспедиции мне несказанно повезло. Во первых, мне посчастливилось раскопать курган с великолепной стратиграфией, разобраться с которой мне помог А.Д. Столяр, в то время молодой кандидат наук, ученик крупнейшего ленинградского ученого М.И. Артамонова. Именно в его экспедициях А.Д. Столяр прошел великолепную школу и, оказавшись блестящим педагогом, передал нам, молодым участникам экспедиции, свой опыт, за что я ему несказанно благодарен⁷. И, во-вторых, во время этих раскопок у меня произошло, видимо, самое важное в моей археологической жизни знакомство, но тогда я об этом даже не догадывался. В самые последние дни раскопок кургана №7 нам объявили, что завтра к

⁶ В 40 –50-е годы прошлого века «Последние Известия» Москва передавала в 11.30 вечера. Завершались Известия в 11.59, затем был бой часов кремлевской башни и звучал Гимн Советского Союза. Так было изо дня в день, из года в год.

⁷ После ухода из жизни М.И. Артамонова, А.Д. Столяр, став доктором наук и профессором, в течении четверти века возглавлял кафедру археологии ЛГУ и вывел в археологический свет множество своих учеников.

нам приезжает очень важный гость: известный ленинградский ученый, доктор исторических наук, профессор С.Н. Бибиков. Из Симферополя к нам в Марьино высокого гостя привез П.Н. Шульц. К нашему приходу с работы уже был накрыт стол с различными вкусностями и мы поняли, что гость действительно важный. Умылись, приоделись, и Павел Николаевич пригласил к столу, представив нас Сергею Николаевичу Бибикову. Это был чудный вечер воспоминаний П.Н. Шульца, А.Д. Столяра, С.Н. Бибикова, было много шуток и смеха и как-то постепенно инициатива ведения стола перешла к нашему гостю. Он попросил каждого из молодых коротко рассказать о себе и своих интересах в археологии, добавив, что ему это нужно для заключительного тоста. Так и сделали, и непринужденное веселье продолжалось, но А.Д. Столяр напомнил, что завтра рабочий день и тогда слово взял Сергей Николаевич. Он сказал, что рад быть нашим гостем, рад познакомиться с молодежью, для каждого из нас нашел какие-то добрые слова и пожелал нам успешного полевого сезона и исполнения наших желаний и планов. Утром мы уехали на работу, а где-то в районе полудня на курганах появился Сергей Николаевич в сопровождении А.Д. Столяра. Ко мне они пришли в конце визита. Я рассказал о стратиграфии кургана, показал набросок плана с реконструкциями насыпей, как я себе это представляю⁸. Сергей Николаевич заинтересовался, посмотрел на бровки с разных сторон, одобрил качество зачистки, спросил: где еще я был на раскопках, какую тему диплома я хочу избрать? Узнав о моем интересе к таврам, вспомнил о своей юности, когда ему довелось вместе с его учителем Г.А. Бонч-Осмоловским копать каменные ящики под Белогорском. Я знал статью Г.А. Бонч-Осмоловского, опубликованную в журнале «Крым» в 1926 г., где автор впервые связал таврские памятники с кизил-кобинской культурой, и это С.Н. Бибикову явно понравилось. В это время призывно прозвучал сигнал машины, и со словами «труба зовет» С.Н. Бибиков покинул курган, добавив - «до вечера!». Проводив С.Н. Бибикова к машине,

---

⁸ В полувековой археологической карьере курганы явились главными объектами моих раскопок. Суммируя все воспоминания, хочу подчеркнуть – я всегда был оптимистом, всегда верил в неграбленные погребения, думал о замечательных вещах, которые мы обязательно найдем! Я всегда был настроен позитивно и, надеюсь, поэтому столь счастливо сложилась моя судьба в археологии, подарив мне множество уникальных памятников и находок разного времени и разных эпох.

А.Д. Столяр вернувся на курган и рассказал почему Бибииков оказался у нас в экспедиции. Его недавно назначили директором Института археологии АН УССР и сейчас он объезжает экспедиции, работающие на Украине. И сам он тоже планирует копать в Крыму. Вечером, после ужина, Сергей Николаевич предложил мне пройтись перед сном и поговорить. Собственно, это был не разговор, а допрос. Меня он закидал вопросами о том, как я учусь, как у меня обстоит с иностранными языками, как со здоровьем, интересовался семейным положением, чем увлекаюсь, что читал и читаю, в каких городах бывал и что видел, наконец, какие у меня планы после Университета. Спрашивал легко, непринужденно, что-то уточнял по ходу моих ответов. Мне было любопытно – со мной еще никогда и никто так не разговаривал, тем более, что мои ответы Сергей Николаевич нередко комментировал с каким-то добрым юмором и вместе с тем не без ехидства. В конце прогулки Сергей Николаевич спросил: как я думаю, даст ли мне Университет рекомендацию в аспирантуру. «Надеюсь, но точно не знаю. Мы с моим руководителем это не обсуждали, да и основания не было – никто не приглашал», - ответил я. Тогда договоримся так – подвел итог нашей беседы Сергей Николаевич – расскажите у Вас на кафедре о нашем разговоре и напишите мне, дадут ли вам рекомендацию в аспирантуру Института археологии Академии наук Украины. Через год я буду брать к себе в аспирантуру одного-двух человек и если у Вас будет диплом с отличием и рекомендация деканата, то я считаю Ваши шансы вполне реальными. Только нужно серьезно поработать в последнем студенческом году. Этот памятный разговор был где-то в 20-х числах августа. [...].

28-го августа 1954 г. завершился мой первый полевой сезон. Вечером была отвальная, а утром я уехал в город, где в отделе археологии Крыма сдал дневник и папку чертежей и получил заработанные деньги, хороший отзыв о работе в поле, подписанный начальником экспедиции П.Н. Шульцем, и приглашение приезжать в экспедиции отдела, когда будет такая возможность... Поезд плавно отошел от вокзала, я стоял у окна вагона, смотрел на уходящий назад город, пригородные строения, палисадники у сельских домов и вот перед глазами открылась безграничная степь. Вдруг я увидел курган, затем еще один и еще. Время шло, а я все стоял у окна и поражался как же много курганов здесь, в степях Крыма. А ведь каждый из них хранит свою тайну. Никогда раньше я не обращал внимания на некие холмы «среди долины ровныя...». И мое прозрение, конечно

же, было итогом первого полевого сезона, проведенного на курганах. С тех пор и на всю жизнь во мне остался этот рефлекс – попадая на какое-то обозримое пространство, я немедленно ищу курганы. Так было в Японии и Мексике, Турции и Греции, Грузии и Молдавии, Болгарии и Венгрии, Австрии и Германии, Швейцарии и Италии, Франции и Испании, Израиле и Иордании – везде, куда вела меня археологическая судьба.

Я вернулся в Харьков окрыленным – самое главное – я убедился в верности выбранной профессии. Все, что я видел, про что слышал и чему научился, – было захватывающе интересно! Да и удача мне сопутствовала: попал на истфак Университета, приняли в научный кружок при кафедре, взяли на специализацию по древней истории и археологии. А внимание со стороны моих учителей на кафедре, а советы добрых наставников в Крыму, а работа в поле под руководством А.Д. Столяра. Ну, а что касается решения правительства о переводе Крыма в состав Украины и, как следствие, знакомство с С.Н. Бибиковым, – то это просто откровенное везение! Сразу же по приезду в Харьков я позвонил Борису Андреевичу Шрамко и коротко рассказал о разговоре с С.Н. Бибиковым и спросил, что он думает о возможности получения рекомендации в аспирантуру Института археологии АН Украины. «Думаю это реально, но давай я поговорю об этом с Константином Эдуардовичем. Он как зав. кафедрой должен поговорить с деканом», – сказал Б.А. Прошло пару недель и на заседании кружка я сделал доклад о симферопольском кургане №7. После доклада Б.А. повел меня к профессору К.Э. Гриневичу. Он попросил рассказать подробнее о разговоре с С.Н. Бибиковым и сказал, что говорил с деканом о рекомендации меня в аспирантуру. Декан отнесся положительно, но только запросил официальное письмо из Киева с просьбой о рекомендации в аспирантуру выпускника такого-то. Еще не дослушав до конца фразы профессора, я уже энергично отрицательно качал головой, а потом сказал: «нет, я не могу утруждать С.Н. Бибикова; он меня просил сообщить ему даст ли мне рекомендацию факультет, а я вместо ответа «да» или «нет» буду просить его писать какие-то письма, занимать его время. Что ему делать нечего!» Все уговоры ни к чему не привели, и тогда Константин Эдуардович, тяжело вздохнув, сказал: «Ну и молодежь нынче пошла. Ладно, у меня корона с головы не упадет. Я сам Сереже Бибикову позвоню, все-таки он у нас в Херсонесе еще совсем мальчишкой появился. Он ведь севастопольский». Прошло долгих 2

недели, я все время спорил сам с собой: прав я или нет и что теперь будет или ничего не будет. После лекций меня вызвал декан. Антон Григорьевич Слюсарский читал нам еще на первом курсе историю СССР с древнейших времен и до XVII века включительно. Сдал я экзамен на «отлично» и больше, мне казалось, студенческая судьба меня с ним не сталкивала. Но это было не так. Ведь письма-просьбы о содействии в Крым и в Ленинград от имени факультета подписывал декан. Он принял меня очень тепло, расспрашивал про экспедицию, про раскопки, про знакомство с С.Н. Бибиковым, а в заключении показал мне только что полученное письмо из Института археологии из Киева с вопросом может ли факультет рекомендовать меня в аспирантуру Института, так как я, работая в крымской экспедиции Института, проявил себя..., и дальше шли комплименты, которые конечно же относились не ко мне, а к А.Д. Столяру. Я еще раз смог оценить какой же я счастливец, особенно когда декан сказал, что факультет даст мне рекомендацию и добавил только: «чтобы диплом и гос. экзамены были сданы на отлично». Главное теперь было написать качественный диплом. По совету Б.А. Шрамко, учитывая предстоящие экзамены в аспирантуру Института археологии, было решено сделать дипломную работу максимально археологической, то есть показать умение работать с археологическим материалом, в моем случае с изделиями из глины, металла, кости и камня, типичными для кизил-кобинской культуры раннего железного века Крыма. И лишь в расширенном заключении, опираясь на письменные источники и литературу, надо было показать единство исторических тавров и носителей кизил-кобинской археологической культуры. Работа спорилась, да и заделы (курсовая, мои доклады, записи и зарисовки из музеев и архивов Крыма и Ленинграда) были достаточно серьезны. Я планировал сразу после зимних каникул, передать Б.А. Шрамко текст дипломной работы с тем, чтобы было время для исправлений и дополнений текста диплома. В январе, во время сдачи экзаменов, стало известно, что на факультет пришло письмо с кафедры археологии МГУ о том, что в марте 1955г. в Москве состоится Первая Всесоюзная студенческая археологическая конференция. Харьковский университет пригласили в ней участвовать. Наша кафедра рекомендовала декану командировать в Москву Володю Кадеева с 4-го курса и меня с 5-го. Прибавилась еще одна ответственная работа - хотелось достойно представить наш Университет в Москве. По Совету кафедры надо было дополнить и

расширить свой доклад о раскопках 7-го симферопольского кургана. Мне вновь повезло: перед последним учебным годом я участвовал в большой экспедиции, где прошел полноценную археологическую полевую практику. А теперь, за два месяца до окончания учебы, мне предстояло участвовать в специализированной научной (пусть студенческой) конференции. Тогда же мы узнали, что руководителем конференции будет член-корреспондент АН СССР, зав. кафедрой археологии МГУ, профессор А.В. Арциховский. Одно его имя не могло не волновать – ведь мы все учились по его учебнику «Основы археологии». Интересуясь археологией эпохи бронзы и раннего железного века, я думал: удастся ли увидеть, может, и услышать ведущих ученых профессоров Б.Н. Гракова, С.В. Киселева, В.Я. Брюсова... А пока нужно было писать диплом и готовить доклад к конференции. В середине февраля я отдал Б.А. Шрамко первый вариант дипломной работы и у меня был еще месяц для доведения до ума доклада для студенческой конференции в Москве. Конференция проходила в старом здании МГУ на Моховой улице. С Курского вокзала мы проехали одну остановку на метро и вышли на площадь Революции. Прошли мимо гостиницы «Москва», пересекли улицу Охотный ряд и улицу Горького (теперь, как и в досоветском прошлом – Тверскую), прошли мимо гостиницы «Националь», здания Американского посольства (позднее, где-то в 60-х годах посольство переехало на Садовое кольцо) и вошли во двор МГУ, где справа был расположен Геолого-разведочный институт, а слева, перпендикулярно Моховой, располагался Университетский корпус, где на первом этаже размещалась кафедра археологии МГУ. Я навсегда запомнил эту дорогу потому, что во все последующие приезды в Москву, я всегда приходил в это здание, где работали и учились многие мои коллеги-друзья и профессор Борис Николаевич Граков, крупнейший специалист в области античной эпиграфики и скифо-сарматской археологии. Но тогда, в марте 1955 г., я впервые в жизни попал в помещения, где располагалась специализированная кафедра археологии. Главное место занимал большой длинный зал с высоченными потолками, вдоль стен которого стояли шкафы, заполненные, в основном, старыми книгами. Поблескивали золоченные корешки журнала Московского археологического общества «Древности», Труды Археологических съездов, Материалы по археологии Кавказа, Отчеты и Известия Императорской Археологической комиссии, различные энциклопедии на многих

языках, разные словари и далее шла советская периодика, книги по разным проблемам истории, археологии, этнографии... Глаза разбегались. А всю центральную площадь зала занимали более двух десятков плоских витрин, составленных в виде огромной буквы П. В них размещалось множество археологических находок, начиная от палеолита и до позднего средневековья. Это была учебная коллекция, здесь учились будущие археологи. А при входе в зал на дверях висело расписание лекций и семинаров для студентов-археологов. Здесь я понял разницу в образовании, которое получали мы в вузах периферии и столичные студенты. Студентам МГУ читали специальные курсы по основным археологическим периодам: каменный век, эпоха меди-бронзы, ранний железный век, средние века; к их услугам были великолепные учебные коллекции и прекрасная библиотека. А от имен профессоров, работавших со студентами МГУ, кружилась голова! Это были ведущие специалисты страны: В.Я. Брюсов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, Б.Н. Граков, В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов, А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков. Я вспомнил рассказы А.Д. Стояра и понял, что примерно также организована работа и в Ленинградском университете, а спецкурсы там читают ведущие ученые из Эрмитажа и Института истории Материальной культуры (Ленинградское отделение). Да, думал я, интересно как будут выглядеть наши сообщения в сравнении с докладами москвичей и ленинградцев. Но это будет завтра, а сегодня мы все зарегистрировались, получили расписание работы конференции (3 дня) и, о радость, всех приезжих разместили в новом высотном здании МГУ на Ленинских горах, каждый получил отдельную комнату и это было здорово! А следующим утром началась работа конференции. Молодцы, московские студенты – все организовали очень хорошо. Приветственным словом открыл конференцию профессор А.В. Арциховский, а затем начались доклады студентов из разных городов страны. Доклады сгруппировали по регионам с учетом хронологии памятников, о которых шла речь, мне показалось, что все доклады слушали с интересом, вопросы задавали не только студенты, но и профессора, присутствующие на заседаниях. Мне выпало выступать во второй день, перед перерывом на обед. Я рассказал о погребениях 7-го симферопольского кургана, о его стратиграфии на основании анализа которой предложил реконструкцию насыпи. Боясь волнений, решил читать доклад по написанному тексту, но сделать это не удалось – все

время обращался к чертежам (профилям бровок и общему плану кургана), висевшим на доске. Поэтому весь доклад я сделал не обращаясь к тексту. Вопросов ко мне не было, и всей гурьбой мы пошли в столовую МГУ. После обеда ко мне подошла юная супружеская пара московских археологов Вера Ковалевская и Дега Деопик и сказали, что со мной хочет познакомиться Сергей Владимирович Киселев. Я был явно удивлен и смущен, и ребята, видя мою реакцию, подбодрили: «не дрейфь, ему понравился твой доклад» и повели меня к профессору. Высокий, широкоплечий с крупными чертами лица и громким голосом, Сергей Владимирович протянул большую руку и предложил сесть. Спросил, на каком я курсе, где был на раскопках кроме Крыма и, выслушав ответы, сказал, что ему понравился анализ стратиграфии кургана и он считает, что мой доклад полезно будет опубликовать. Я слотнул (испытав то состояние, которое баснописец И.А. Крылов описал как «в зобу дыханье сперло»), голос у меня почему-то пропал, и я почти шепотом спросил: «а что для этого надо сделать?». Видя мою реакцию, Сергей Владимирович весело рассмеялся и спросил, есть ли у меня текст доклада и, не дожидаясь ответа: «дайте мне его и после вечернего заседания зайдите ко мне сюда». Не очень понимая, что все это значит, пошел заседать дальше. После заседания увидел идущего навстречу С.В.Киселева. Он протянул мой доклад и, обратив внимание на страницу, вложенную в текст, сказал: «завтра в час дня вас ждет в Институте (имелся в виду Институт истории материальной культуры АН СССР) Татьяна Сергеевна Пассек. Отдадите ей статью с моим отзывом; желаю успеха». Присесть было необходимо. Я медленно прочел хвалебный отзыв и обратил внимание на подпись – «Доктор археологии С.В. Киселев»⁹. Назавтра я ушел с заседания еще до обеденного перерыва – торопился на свидание с Татьяной Сергеевной Пассек. Я знал, что она крупнейший специалист по трипольской культуре, то есть понимал, что проблемы бронзового века Юга СССР ей хорошо знакомы, и раздумывал о чем она может меня спросить. С дрожью в коленях я постучал в комнату с табличкой «Краткие сообщения». Глубокий бархатный женский голос пригласил

---

⁹ Отзыв был написан авторучкой синими чернилами. Как жаль, что в то время не было копировальных машин и я не мог сохранить в своем архиве подлинный автограф большого ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР. Впрочем, возможно, он сохранился в архиве Кратких сообщений ИИМК АН СССР.

войти. Я увидел не молодую, но очень красивую женщину. Высокая, в темном платье с белоснежным воротничком, Татьяна Сергеевна Пассек абсолютно очаровывала бездонными серыми глазами и открытой улыбкой. Шикарные черные косы, уложенные вокруг головы, отливали серебром благородной седины. Никогда в жизни я не видел женщин в летах красивее Татьяны Сергеевны. Она предложила сесть и попросила рассказать об учебе и моих интересах в археологии. Спросила о перспективах. Узнав, что я заканчиваю в этом году учебу, обрадовалась, что меня приглашают в аспирантуру в Киев; затем пролистала доклад, пробежала отзыв С.В. Киселева, попросила написать мой адрес и добавила, что мне дадут знать в каком номере «Кратких сообщений» статья будет опубликована. Вдруг Татьяна Сергеевна как-то радостно улыбнулась собственной догадке и добавила: «через месяц-два я пришлю вам на официальном бланке уведомление, что ваша статья принята к печати и будет опубликована в таком-то номере журнала. Надеюсь, это бумага пригодится при рассмотрении ваших документов в киевской аспирантуре». Мне осталось сердечно поблагодарить Татьяну Сергеевну и откланяться. Я бросился бегом на кафедру, благо старое здание Института было недалеко. Началось последнее заседание конференции. Итоги работы подводил А.В. Арциховский. Оба харьковских доклада были отмечены. А вечером студенты МГУ, организаторы конференции, пригласили всех участников в общежитие на Стромынке, где было шумное застолье с тостами, песнями и танцами. Веселились, радовались знакомству, благодарили гостеприимных хозяев. Прощаясь, обменивались адресами, и я безмерно рад, что многие участники этой конференции сохранили между собой дружеские отношения на всю жизнь. Все вновь обретенные товарищи стали хорошими специалистами, кандидатами и докторами наук, есть среди нас и член-коры разных академий, а Юра Буряков стал академиком Узбекистана, но вне зависимости от званий и количества прошедших лет, мы всегда рады видеть друг друга.

А дома меня ожидала правка текста дипломной работы по замечаниям Б.А.Шрамко и подготовка к выпускным экзаменам. Время буквально летело, но его хватило и на отличную защиту диплома, и на отличную сдачу государственных экзаменов. Совсем незаметно пролетели 5 счастливых лет университетской учебы,

подошел день официального выпуска, где нам вручили дипломы, а затем состоялся выпускной вечер. Вспоминая свою учебу и работу в кружке, я не нашел места рассказать ни об успехах нашей шахматной сборной университета – а ведь мы всегда боролись за первое место среди 30 харьковских вузов и вечным соперником у нас был Политехнический институт, с которым мы, обычно, и разыгрывали финал городских соревнований. Играл я и в баскетбол, сначала за сборную факультета, а потом и Университета. И еще об одном увлечении нельзя не упомянуть. С первого курса нас активно втягивали в факультетскую самодеятельность. Не помню точно, как это получилось, но уже с конца первого курса я читал стихи Маяковского и выходил на факультетскую сцену в качестве ведущего вечера. Но просто объявлять номера было скучно и, начиная со второго курса, мы вдвоем с первокурсником Виленом Кирилловским дуэтом читали басни, разыгрывали скетчи, как могли заполняли паузы между выступлениями солистов – певцов, музыкантов, чтецов, танцоров. А через год нам поручили вести смотр университетской самодеятельности, где мы разыграли несколько миниатюр. Видимо, они пользовались успехом, но приглашение вести сводный концерт студентов ХГУ, посвященный 150-летию Университета (весной 1954 г.), мы в один голос отвергли. Тем более, что концерт должен был идти на сцене оперного театра. Мы даже во сне не могли себя представить на профессиональной сцене. Нет и нет! Нас вызвали к декану, у него в кабинете был секретарь партийного бюро факультета. Мы не поддавались на все уговоры; декану это надоело: «Все, это не приглашение и не поручение, а это приказ декана!». Я не выдержал и ответил: «Антон Григорьевич, но ведь это не учеба, это всего лишь самодеятельность, дело сугубо добровольное», на что последовал немедленный ответ: «столько лет живете на свете, учитесь на истфаке и так и не усвоили, что такое добровольно?!». В голосе декана нотки удивления, возмущения и насмешки прозвучали очень отчетливо. «Идите, готовьтесь и не подведите факультет», – завершил разговор декан. Я вспомнил старый анекдот: волк поймал журавля: «сейчас тебя съем». Журавль: «но разреши исполнить предсмертный танец». Волк: «давай быстро, жрать хочу». Журавль взмыл вверх. Глядя в небо, волк подумал – «и на кой черт мне эта самодеятельность?!». Юбилейный концерт прошел замечательно, а через пару дней мне и Виле позвонили из харьковского театра эстрады и пригласили нас на работу. Я отказался, а Виля, после окончания Университета,

успешно выступал на эстраде. Возвращаясь к выпускному вечеру, надо вспомнить подготовку к нему. В это время завершалось восстановление огромного здания Дома проектов, разрушенного во время войны, и в этот дом должны были переехать все факультеты Университета. Не забыли мы и только что прошедшее 150-летие Университета. Так родилась идея конференса выпускного вечера. Она состояла в том, что через 150 лет ведутся раскопки там, где в наши дни размещается истфак. Археологи находят протоколы заседаний разных кафедр, деканата, профкома, комсомольского бюро (инстинкт самосохранения не позволил нам найти протоколы заседания партийного бюро), экзаменационные билеты, зачетные книжки и другие свидетельства факультетской жизни. Эти документы мы с Вилей «оживили» на сцене. Здесь была сдача экзаменов и консультации к ним. Это были семинары с ответами студентов, обсуждения итогов сессий, расселение студентов по комнатам в общежитии и т.д. С помощью художников была изготовлена яркая афиша предстоящего вечера. Ее мы сделали в стихах. Я запомнил только заключительные строки объявления о вечере:

Мы сидели и корпели,
Мы не спали и не ели,
Мы курили, но не пили,
Вас порадовать спешили,
Отложили преферанс
И родили конференс!
Мы готовы в нем играть и чечетку отбивать, выпадая из штанов
Баткин, Ветров и Лесков
И что б Вам не скучно было
Сотник и Курилов.¹⁰
Если все же конференс вышел ерундовский
Значит в этом виноват Виля Кирилловский!!!

Говорят, вечер прошел блестяще. Полный зал студентов и гостей, которые покатывались со смеху. Помню одну сценку – пытаюсь как-то вытащить студента-неуча на экзамене по новой истории, отчаявшийся педагог говорит: «Соберитесь, последний вопрос – сколько лет длилась Семилетняя война»? Студент задумался, поднял

---

¹⁰ Нестеренко хоть трудился
В рифму он не уложился

очи к потолку, зашевелил губами, потом стал складывать пальцы и, наконец, ответил: «восемь». Реакция зала понятна. Теряя голос, педагог прошипел: «даты войны 1756-1763 гг.!». «И я так считал» – обрадовался студент и стал загибать пальцы: «1756, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63 - получается 8 лет». Педагог убегает, схватившись за голову, а студент пожимает плечами и спокойно уходит со сцены.

Благодарностью декана всем участникам концерта, очередными поздравлениями выпускников и шумным застольем запомнился мне июньский вечер 1955 года. Эх, хорошо бы сейчас отдохнуть, но было не до того. Осталось менее двух месяцев для подготовки к экзаменам в аспирантуру. Впрочем, это уже начало следующего, киевского периода моей жизни.

